

В своих узуальных значениях метаязыковые слова употребляются и в составе идиоматичных ФО — фразеологических сочетаниях и выражениях — с минимальными семантическими сдвигами относительно узуальных значений слов-компонентов: *эзопов язык* 'иносказательное зашифрованное выражение мыслей', *тайные языки* 'условные жаргоны обособленных групп людей или сообществ', *свобода слова* 'право граждан свободно, беспрепятственно выражать свои мысли, убеждения в устной и письменной форме', *лишить слова* 'не дать возможности высказаться на собрании, митинге и т.п.', *the last words* 'последние слова умирающего', *key-note speech* 'выступление, задающее тон собранию, заостряющее внимание на основных вопросах', *speech writer* 'составитель (чужих) речей', *letter sheet* 'складывающийся лист бумаги, после запечатывания служащий в качестве конверта для пересылки', *writing chair* 'стул, кресло, один из подлокотников которого расширен и служит поверхностью для письма', *language of signs* 'язык жестов' и т.п. Фразеологические выражения составляют значительную часть анализируемых русских и английских ФО.

Таким образом, в силу интеллектуальности своих значений, метаязыковые слова отвлеченной и абстрактной семантикой в составе ФО редко подвергаются переосмыслению, снижая тем самым степень идиоматичности фразеологизмов: узуальные значения метаязыковых лексем активно участвуют в формировании семантики единств и, конечно, неидиоматичных ФО; удельный вес полностью немотивированных идиом (сращенных значения которых не выводимы из значения их компонентов, низок в материале обобщенных языков.

Низкий удельный вес в исследуемых фразеологизмах немотивированных идиом объясняется не только устойчивостью к переосмыслению принадлежащих к интеллектуальной сфере метаязыковых лексем. Представляется, что степень идиоматичности, немотивированности/немотивированности оборотов находится в определенной зависимости от способа семантического переосмысления ФО.

Способ семантического преобразования предопределяется предметно-непредметным характером семантики лексем. Например, существительные, называющие конкретные явления материальной действительности, чаще становятся предметом сращения, легче метафоризируются. Денотатами анализируемых метаязыковых лексем являются непредметные сущности. Большинство идиом с метаязыковыми компонентами основывается на метонимических переносах. Корреляция между типом переосмысления и немотивированностью/немотивированностью ФО состоит в следующем. Метафорическое переосмысление предполагает перенос значения, основанный на сходстве между двумя предметами, явлениями или понятиями. Однако метафора не отражает зависимости вещей во внеязыковой действительности. Известно множество высказываний относительно «нелогичности» метафоры. Бессознательной игрой логики назвал метафору еще А.Н.Веселовский (3), «рассадником алогичного в языке» — Н.Д.Арутюнова (1, с. 253). Исследования по психологии речи, основанные на данных физиологии, подтвердили, что метафоре нет элемента логически последовательного переноса (5). Метафора соединяет несвязанные между собой, часто несовместимые явления. В основе же метонимии лежит перенос «по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» (2, с. 300). При метонимическом переносе между значением ФО и значением его прототипа имеет место более тесная связь, нежели между аналогичными значениями при метафорическом переносе. При метонимическом переносе значение прототипа частично включается в образ,ванный на его основе ФО, в то время как метафорический перенос, как правило, ослабляет смысловую (сигнификативную) связь между ФО и исходным сочетанием слов.

На этом основании представляется возможным заключить, что способ переосмысления, обусловленный семантическим своеобразием переосмысляемых компонентов

вызывает влияние на характер мотивированности идиом: метонимический перенос как форма семантического преобразования обуславливает более четкую мотивированность идиоматичного ФО.

Итак, преобладание частично идиоматичных и неидиоматичных оборотов в составе анализируемых ФО обусловлено аналитичностью, интеллектуальностью значений метаязыковых лексем, определяющих их устойчивость к переосмыслению, а также абстрактным, обобщенным характером семантики данных лексем.

Литература

- 1 Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции метафоры // Изв. АН СССР. СЛЯ, 1978. — Т. 37. — Вып. 3.
- 2 Арутюнова Н.Д. Метафора // Голыцкий энциклопедический словарь «Языкознание». — 2-е изд. (репринт.) — М.: Советская энциклопедия, 1998.
- 3 Веселовский А.Н. Из истории эпитета [1895] // А.Н. Веселовский. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1989.
- 4 Голык С.В. Сербская и белорусская фразеология с зоокомпонентом (зависимости между свойствами фразеологизма и зоокомпонента): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03. — Мн., 2003.
- 5 Никифорова О.И. Восприятие метафоры // Уч. записки МГПИИЯ. Т. 8. — М., 1964.

Т. В. Данилович (Минск)

«ЧУЖИЕ» ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРЕНИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО «ПОРТНОЙ ИЗ ЛЬВОВА, ПЕРЕЛИЦОВКА И ПОЧИНКА» (ОКТОБРЬ, 1941)»

А. Тарковский — поэт-фронтовик — в собственном творчестве неоднократно обращался к военной теме. В стихотворении «Портной из Львова, перелицовка и починка (октябрь, 1941)» объектом воплощения поэта становится миро- и самоощущение обездоленного войной человека, вынужденного покинуть родные места и отправиться в эвакуацию.

Образ лирического героя наполнен ассоциациями из мира культуры. Произведение содержит открытые и завуалированные отсылки к «чужим» текстам.

В первой строфе в воссоздание внешности портного вовлечен знаменитый персонаж немого кино — бродяга Чарли. Непосредственное упоминание имени персонажа Чаплина, прямое сравнение с ним львовского беженца у поэта отсутствует. Однако аллюзия на популярный кинематографический образ очевидна. Детали одежды, аксессуары, походка лирического героя в точности повторяют внешний облик бродяги Чарли:

*С чемоданчиком картонным,
Ластоногий, в котелке,
По каким-то там перронам,
С гнутой тросточкой в руке* [2, с. 158].

Эта общность поддерживается близостью модели поведения, сходством социального статуса героев:

*Сумасшедший, безответный
Бедный житель городской* [2, с. 158].

Ощущение одиночества, состояние бесприютности и обездоленности в равной степени присуще обоим персонажам. Самого Чаплина, в общественном сознании нередко отождествлявшегося с его кинематографическим героем, и портного А. Тарковского роднит принадлежность к еврейской нации (этот аспект биографии режиссера акцентируется в печати в годы второй мировой войны, в период геноцида евреев). Включение в художественное пространство стихотворения героя Чаплина привносит и подчеркивает в образе

беженца из Львова те качества, которые присущи его кинематографическому двойнику: внешняя несурзадность в сочетании с добротой, искренностью, умением выжить в нечеловечески тяжелых условиях, не поддаться унынию и отчаянию.

Введение лирического героя в круг «маленьких людей» осуществляется и посредством называния этого человека «самым нищим» из сынов Давида [2, с.159]. Подобным номинированием образа поэт закрепляет за ветхозаветным персонажем роль предка портного, корня его родословной. Давид воплощен в Библии как «великий и идеальный царь, образец и мерило для всех последующих царей, а так же праотец и предтеча мессии» [1, с.115]. И упоминание в стихотворении имени Давида в связи с образом львовского беженца создает позитивный эмоционально-смысловой фон восприятия лирического героя, облагораживает и героизирует его. Однако для Тарковского на первый план выступает не царственно-величественный аспект библейского персонажа, а трагическое начало, многократное пребывание Давида в роли мученика и жертвы. Этот ракурс образа задан в произведении фразой: «Будто сам Давид из плена / К небесам воззвал в тоске» [2, с.159]. Тарковский моделирует отсутствующую в первоисточнике ситуацию пленения и обращения Давида к Богу в момент предельного отчаяния, психологизируя этот персонаж, усиливая его экспрессивность. Поскольку ни портной, сопоставляемый поэтом с библейским героем, ни ветхозаветный царь не оказывались в роли пленников, образ неволи Давида приобретает в стихотворении переносное значение. Это метафора состояния несвободы, зависимости героя от воли Всевышнего и сильных мира сего, олицетворение страданий и тягот, выпавших на долю библейского персонажа (преследование Саулом, бегство от Авессалома, гибель Ионафана, необходимость подавления междоусобных распрей претендентов на царский престол, трехдневная моровая язва и т.д.).

Так же, как и Давид, портной оказывается подвержен тяжелым жизненным испытаниям и лишениям («На полу лежит в теплушке / Без подушки, без пальто», «Ел бы хлеб да нету соли, / Ел бы соль, да хлеба нет» [2, с.159]). Уподобление не звезд, переносимый лирическим героем, мучениям библейского персонажа увеличивает эффект глубины страданий героя Тарковского, усиливает выразительность внутреннего мира этого «маленького человека». Кроме того, данное сравнение привносит в произведение мысль о невластности гонимого войной беженца над собственной судьбой, о невозможности повлиять на ход событий. Идея роковой предопределенности участи человека от четко выражена в шестой строфе стихотворения: «И на город черной пряжей / Случается судьба» [2, с. 159].

Если Давид в Библии сполна вознаграждается за свои страдания (обретением славы, власти, богатства, преклонения), то миллионам пропавших без вести, погибших в фашистских лагерях, не вынесших испытаний холодом и голодом в годы войны, по мысли Тарковского, была уготована судьба в безвестности уйти в небытие.

Снег растает в чистом поле,

Порастет польню след [2, с.159].

Львовский портной скитается в поисках приюта, как его дальние предки во времена исхода из Египта. Непосредственное сравнение положения героя и мытарств израильских племен в стихотворении отсутствует. Параллель «участ львовского беженца — судьба еврейского народа» возникает благодаря эпитету «эзильетная» (иудейская тоска) [2, с. 158], возводящему индивидуальное в ранг общенационального, временное до масштабов вневременного, а также благодаря образу Давида, настраивающему на ветхозаветную «волну».

Напрямую, вербально не выраженная, но присутствующая в подтексте библейская история многолетних мучительных скитаний евреев усиливает напряженность интонаций, трагическую ноту стихотворения.

Используемые культурные образы, «контактируя» в пределах новой текстовой реальности, дополняют друг друга, испытывая взаимовлияние. Смысловое пространство заданного в произведении «чужого слова» корректируется. Подключаясь к новым временным координатам ветхозаветные образы осовремениваются, обрстая новыми деталями биографии и духовного мира. Библейские персонажи и чаплиновский «маленький человек», связанные посредством образа лирического героя Тарковского, становятся частями одного генетического древа: первые ассоциируются с корнями, второй — с современным поэту поколением. Бродяга Чарли / львовский портной обретает родословную, а образы Ветхого Завета — новое звено в цепи своих потомков.

Проецирование культурных кодов на персонаж Тарковского делает лирического героя более многомерным и сложным, что позволяет стихотворению обрести яркий и запоминающийся облик в ряду военных произведений русской литературы XX века.

Литература

1. Гече Г. Библейские истор. и. — М.: Политиздат, 1989. — 448 с.
2. Тарковский А. А. Иллюстрации. — Смоленск: Русич, 2000. — 318 с.

Д.В. Дзятко (Минск)

КАМПА: ЦІНЯ Ё МАТЭМАТЫЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

Кампанты і (слова-, асноваскладанне, а ў шырокім разуменні паняцця і абрэвіяцыя) шырока традыцыйна ў матэматычнай тэрміналогіі, што пацвярджаецца аналізам слоўраў. Слоўніка матэматычнае тэрміналогіі (Мн., 1927), «Тэрміналагічнага слоўніка па вышэйшай матэматыцы для ВНУ» (Мн., 1993), «Русско-белорусского математического словаря» (Мн., 1993) і «Матэматычнай энцыклапедыі» (Мн., 2001). Спосаб складання пры прымаўтварэнні выкарыстоўваецца тады, калі ў якасці словаўтваральнай базы выступаюць дзве і больш самастойныя лексемы. Нярэдка апорны кампанент у тэрмінах, утвораных складаннем, «роўны цэламу слову, а папярэдні з'яўляецца цэлым словам ці яго чыстай асновай, якая далучаецца да апорнага кампанента з дапамогай інтэрфікса» [2, с. 77]. У тэрміналогіі, як і ў літаратурнай мове, вылучаюцца адзінкі, утвораныя шляхам складання слоў (уласна словакладанне) і шляхам складання асноў (асноваскладанне).

Словакладаннем з'яўляецца аб'яднанне дзвюх граматычна аформленых лексем без змен у іх структуры і без інтэрфіксаў. Такім спосабам утвараюцца тэрміны, якія абазначаюць пераважна складаныя навуковыя рэзаліі, што на лагічным узроўні выступаюць як аб'яднанні двух паняццяў. На наш погляд, метаэгодна вылучыць тры тыпы раздзельнааформленага словакладання.

1. {Y→Z}, дзе Z — асноўны элемент, Y — дадатковы. Адносіны паміж элементамі маюць адценне атрыбуцыйнасці: *блок-схема, вектар-функцыя, кардынал-мноства, нуля-дачыненне, фактар-група* і інш. (каля 35 адзінак).

2. {Y←Z}, дзе Z — асноўны элемент, Y — дадатковы. Дадатковы кампанент выражаны назвай літары грэчаскага або лацінскага алфавітаў, адносіны паміж элементамі маюць адценне ўдакладняльнасці: *бэта-размеркаванне, бэта-функцыя, гама-карэляцыя, гама-размеркаванне, гама-функцыя, дзэта-функцыя, дэльта-функцыя, ламбда-канверсія, тэта-функцыя, тэта-шэраг*.

3. {Y↔Z}. Адносіны паміж элементамі маюць адценне раўназначнасці: *вызначнік-дабытак, крыніца-выява, паўгрупа-размеркаванне, прастора-здабытак, прастора-час, сідло-вузел*.

Некаторыя цэласнааформленыя геаметрычныя тэрміны ўтвараюцца суфіксальна-складаным спосабам па мадэлях {n+if+s}, {adv+if+s}, {adj+if+s} або па аналагічных